

4. Dikov, N.N., 1979. Drevniye kul'tury Severo-Vostochnoy Azii [Ancient cultures of Northeast Asia]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
5. Dikov, N.N., 1967. Otkrytiye paleolita na Kamchatke i problema pervonachal'nogo zaseleniya Ameriki [The discovery of Paleolithic sites in Kamchatka and the problem of initial peopling of America]. In: Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka. Moskva: Nauka. (in Russ.)
6. Dikova, M.A., 2000. Pozdnepleystotsenovyye komplekсы stoyanki Ushki-V [Late Pleistocene complexes of Ushki-V site]. In: II Dikovskiy chteniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Dal'stroya. Magadan: SVKNII DVO RAN, pp. 315–320. (in Russ.)
7. Dikov, N.N., 1993. Paleolit Kamchatki i Chukotki v svyazi s problemoy pervonachal'nogo zaseleniya Ameriki [Paleolithic of Kamchatka and Chukotka in the context of the problem of initial peopling of America]. Magadan: SVKNII. (in Russ.)
8. Pitul'ko, V.V., 2011. Arkheologicheskaya sostavlyayushchaya Berelokhskogo kompleksa [Archaeological component of the Berelekh complex], Zapiski IIMK, no. 6, pp. 85–103. (in Russ.)
9. Pitul'ko V.V., 2008. Zagadki Berelekha [Berelekh enigmas], Zapiski IIMK, no. 3, pp. 98–117. (in Russ.)
10. Ponkratova I.Yu., 2007. Stoyanka Ushki-5 (Kamchatka): issledovaniya poslednikh let, problemy i perspektivy [Ushki 5 site (Kamchatka): studies in recent years, problems and prospects] // Kolymskiy gumanitarnyy al'manakh, no. 2, pp. 13–20. (in Russ.)
11. Ponkratova, I.Yu. and Fedorchenko, A.Yu., 2008. Busy i podveski stoyanki Ushki-5 (p-ov Kamchatka) [Beads and pendants of Ushki-5 site (Kamchatka Peninsula)]. In: Etnokul'turnaya istoriya Evrazii: sovremeniye issledovaniya i opyt rekonstruktsiy. Materialy XLVIII RAESK. Barnaul: Azbuka, pp. 77–78. (in Russ.)
12. Semenov, S.A., 1968. Razvitiye tekhniki v kamennom veke [Development of technology in the Stone Age]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)
13. Slobodin, S.B., 1999. Arheologiya Kolymy i Kontinental'nogo Priokhot'ya v pozdnem pleystotsene – rannem golotsene [Archaeology of Kolyma and Continental Priokhotye in late Pleistocene and early Holocene]. Magadan: SVKNII DVO RAN. (in Russ.)
14. Slobodin, S.B., 2010. Novyye dannyye o vozraste VII paleoliticheskogo sloya stoyanki Ushki-I [New data on the age of VIIth Paleolithic layer of Ushki-I site]. In: VI Dikovskiy chteniya. Magadan: SVKNII DVO RAN. (in Russ.)
15. Slobodin, S.B., 2005. Khaya-IV – novyy pamyatnik paleolita na Severo-Vostoke Azii [Khaya-IV – a new Paleolithic site in Northeast Asia]. In: Severnaya patsifika – kul'turnie adaptatsii v kontse pleystotsena i golotsena. Materialy mezhd. nauchn. konf. «Po sledam drevnikh kostrov...». Magadan: Izd-vo SMU, pp. 112–117. (in Russ.)
16. Fedorchenko, A.Yu., 2011. Istoriya eksperimental'no-trasologicheskikh issledovaniy v arkhologii Severo-Vostochnoy Azii: osnovnyye etapy i dostizheniya [History of trasological and experimental research in archeology of Northeast Asia: main stages and achievements]. In: Krayevedcheskiye zapiski Kamchatskogo krayevogo obyedinennogo muzeya, no. 13. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Izd-vo «Novaya kniga», pp. 134–146. (in Russ.)
17. Fedorchenko, A.Yu., 2012. Sovremennyye sposoby fotofiksatsii v trasologicheskikh issledovaniyakh arkhologicheskikh materialov Severo-Vostochnoy Azii [Modern methods of photographic fixing in trasological research of archaeological materials of Northeast Asia]. In: Nauchnaya molodezh' – Severo-Vostoku Rossii: Materialy IV mezhdreg. konf. mol. uchenykh. Magadan: OOO «Novaya poligrafya», issue no. 4, pp. 64–68. (in Russ.)
18. Fedorchenko, A.Yu. and Ponkratova, I.Yu., 2010. Kamenny inventar' VII sloya paleoliticheskikh ushkovskikh stoyanok [Stone inventory of VIIth layer of Paleolithic Ushki sites], Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta, no. 13, pp. 159–161. (in Russ.)
19. Sher, Ya.A., Vishnyatskiy, L.B. and Blednova, N.S., 2004. Proiskhozhdeniye znakovogo povedeniya [The origins of sign behavior]. Moskva: Nauchnyy mir. (in Russ.)
20. Goebel, T., Waters, M.R. and Dikova M., 2003. The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and Pleistocene peopling of the Americas. Science, Vol. 301, pp. 501–506.

УДК 39

Р.Ю. Федоров, А.А. Богордаева*

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ПРИАМУРЬЕ В УСТНЫХ ИСТОРИЯХ**

В статье рассматриваются историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян, переселившихся на территорию Приамурья в начале XX в. Исследование базируется на обобщении устных историй, записанных у разных поколений потомков переселенцев, проживающих на территории муниципального района им. Лазо Хабаровского края. Собранные этнографические материалы дают представление о принципах сохранения и трансформаций различных элементов традиционной культуры переселенцев (семейная и календарная обрядность, материальная культура, особенности хозяйствования), а также об их взаимодействиях с местным этнокультурным окружением.

Ключевые слова: белорусы, крестьянство, переселение, Приамурье, традиционная культура, этнокультурная идентичность, устная история.

Historical and ethnographic aspects of Belarusian peasant settlers' life in Priamurye in oral history records. ROMAN Yu. FEDOROV (Institute of Earth Cryosphere, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), AKSANA A. BOGORDAEVA (Institute of Northern Development, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences).

The article is devoted to the analysis of historical and ethnographic aspects of life of Belarusian peasant settlers that migrated to Priamurye at the beginning of XX century. The research is based on generalization of oral history records of different generations of descendants of the settlers. Collected ethnographical data gives an idea of the principles of preservation and transformations of various elements of Belarusian traditional culture (principles of agriculture, family and calendar rites, features of spiritual and material culture). It also gives an indication of the interactions that Belarusian settlers had with local ethnic environment.

Keywords: Belarusians, peasantry, migration, Priamurye, traditional culture, ethnic identity, oral history.

* ФЕДОРОВ Роман Юрьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории методологии наук о криосфере Института криосферы Земли Сибирского отделения РАН.

E-mail: r_fedorov@mail.ru

БОГОРДАЕВА Аксана Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: bogordaeva@mail.ru

© Федоров Р.Ю., Богордаева А.А., 2014

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 12-21-01000.

В июле 2014 г. нами была проведена этнографическая экспедиция в места компактного проживания потомков белорусских крестьян-переселенцев на территории муниципального района им. Лазо Хабаровского края³⁷. Во времена аграрной реформы П.А. Столыпина здесь возник куст деревень, основанных выходцами из Могилевской губернии. В настоящее время их потомки продолжают составлять заметную долю населения в селах Полетное, Петровичи и Прудки. Записанные в ходе экспедиции жизненные истории старожилов этих деревень хорошо дополняют друг друга и дают представление о характере этнокультурной и хозяйственной адаптации белорусов на Дальнем Востоке с момента их переселения до наших дней.

В географии массовых крестьянских миграций второй половины XIX – начала XX столетия Дальний Восток естественным образом явился крайней точкой, которой достигли волны аграрного освоения азиатской России. Поселившиеся здесь крестьяне, преодолевшие такие же колоссальные расстояния, как и европейские колонизаторы Нового Света, столкнулись с непривычными природно-климатическими условиями. Еще более необычным оказалось новое этническое окружение переселенцев. На своей родине предки белорусов на протяжении многих столетий проживали в этноконтактной зоне, переходной между славянской и балтской культурами, православием и католицизмом, русской и европейской моделями социально-политического устройства общества. Дальний Восток – противоположный, азиатско-тихоокеанский фронт – стал местом этнических контактов заселявших его выходцев из разных уголков Российской империи с китайцами, японцами, корейцами, а также малыми коренными народами. Данные обстоятельства обусловили специфические тенденции в этнокультурной адаптации белорусских переселенцев, которые во многих случаях отличались от прототипов, имевших место на территории Сибири. Несмотря на то, что в последнее время разностороннему изучению были подвержены этнокультурные аспекты массовых переселений белорусских крестьян в Сибирь [3, 6], аналогичные вопросы в отношении Дальнего Востока продолжают оставаться недостаточно исследованными. Исключение составляет лишь несколько исследований, проведенных на территории Приморского края. Первой подобной работой стала

³⁷ Авторы статьи выражают глубокую признательность директору социально-культурного центра «Русь» с. Полетное муниципального района им. Лазо Хабаровского края А.Л. Власенко за помощь, оказанную в организации экспедиции.

монография Л.Е. Фетисовой «Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья» [9]. Ее уникальность состоит в том, что в ней обобщен тридцатилетний опыт полевых исследований автора в местах компактного проживания потомков белорусских переселенцев на территории Приморского края. Учитывая тот факт, что отдельные сельские поселения, рассмотренные в книге, в настоящее время прекратили свое существование, а большинство информаторов уже ушло из жизни, эта монография является единственным исследованием многих, ныне утраченных, фольклорных и обрядовых традиций белорусских переселенцев в Приморье. Помимо этой работы следует отметить отдельные публикации Ю.В. Аргудяевой, в которых автор обратила внимание на белорусскую компоненту в этнокультурной среде Приморья [1, 2], а также книгу «Традиционная свадьба. Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье» [7], в которой помимо украинского материала зафиксированы отдельные элементы, присущие белорусской свадебной обрядности. В 2011 г. в Новосибирске был издан том «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока» из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», представляющий собой своеобразную антологию семейно-обрядовых песен белорусских переселенцев [10]. Однако, несмотря на ряд исследований, проведенных в Приморском крае, на сегодняшний день отсутствуют фундаментальные работы, посвященные историко-этнографическим аспектам жизни белорусских крестьян-переселенцев на территории Приамурья, несмотря на то что, по нашим предварительным оценкам, именно здесь удельный вес выходцев из Белоруссии был наиболее значимым. Поэтому настоящую статью можно рассматривать в качестве попытки восполнить этот пробел и ввести в научный оборот этнографические сведения о потомках белорусских переселенцев, проживающих на территориях, прилегающих к бассейну Амура.

Основным методологическим подходом, избранным нами для реализации начального этапа исследования, стал сбор и структурирование устных историй, записанных у разных поколений потомков белорусских переселенцев. Хотя устные истории в опосредованном виде всегда являлись одним из основных источников в работе этнографа, в качестве специального объекта исследований, требующего особого методологического инструментария, они стали рассматриваться лишь с середины XX в. в англосаксонской науке, получив название Oral History. Разработкой методологии и практической организацией занимались такие

известные английские и американские исследователи, как Джо Гулд, Пол Томпсон, Аллан Невинс и др. По определению Сигурда Шмидта, устную историю можно охарактеризовать как «практику научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами» [12, с. 262]. Существует целый ряд преимуществ данного подхода применительно к задачам историко-этнографических исследований. Во-первых, в каждой уникальной судьбе отдельно взятого человека как в капле воды отражаются многие события, имеющие ключевое значение в масштабе отечественной истории (переселения, войны, смены политического строя, социокультурные трансформации и т.д.). Поэтому из отдельных жизненных историй представителей разных поколений можно сложить мозаичную картину истории в масштабах определенного локуса или даже целой нации и государства. Во-вторых, устные истории отдельных людей ценны не только изложением конкретных фактов, но и субъективными оценками. Можно сказать, что они представляют собой своеобразный опыт феноменологии истории. Прочтение должным образом подобранных рассказов позволяет исследователю раскрыть механизмы народной интерпретации тех или иных исторических событий, дает возможность исследовать мировоззренческие установки и ценностные ориентации респондентов. При этом одно историческое событие у разных групп опрошенных может обладать множеством трактовок и качественных оценок, которые нередко имеют диаметрально противоположный характер. Поэтому особое значение данный подход приобретает во время проведения сравнительных исследований устных историй представителей разных этнических и возрастных групп или профессиональных субкультур. Данные особенности важно учитывать в ходе изучения устных историй, для того чтобы избежать их однобокого, буквального «прочтения». Следует отметить, что на начальных этапах этнографических исследований сбор и структурирование устных историй имеют большое поисковое значение. Из монологов информаторов можно выделить наиболее важные сюжеты, фактические детали, достоверность которых впоследствии можно верифицировать путем обращения к различным документальным источникам.

В «Списке крестьянских селений Приморской области» за 1911 г. было указано, что села Полетное и Петровичи Киинской волости Хабаровского крестьянского участка были образованы в 1906 г., а с. Прудки в 1907 г. (Российский государственный архив Дальнего Востока, далее РГИА ДВ. Ф. 702.

Оп. 5. Д. 648. Л. 77 об.). К этому времени были сформированы устойчивые пути сообщения, обеспечивавшие возможность целенаправленного освоения территории Приамурья. Проживающие сегодня в этих деревнях потомки первооселенцев еще помнят отдельные детали, связанные с приездом на Дальний Восток и основанием здесь новых деревень, рассказанные им бабушками и дедушками. Основной причиной, вынудившей их предков покинуть родной дом и преодолеть столь колоссальные расстояния, было малоземелье. Александр Титович Потюпин, 1928 г.р. из д. Петровичи вспоминает: «*Мои предки были из Могилевской губернии Климовического уезда, деревня Веровка. Мне все дедушка рассказывал, как он сюда приехал. Он был ходоком. Приехал сюда в 1900 или 1902 году. Приехали, поглядели местность эту. А потом только в 1907 году вся семья сюда перебралась. Ехали на поезде через Маньчжурию, а потом на лошадях. Они все хозяйство везли с собой: лошадей, утварь, семена. А надо ж было покорчевать еще. Кругом тайга была. Вначале ставили землянки. Потом делали хаты осинового». Однако далеко не всем переселенцам понравились новые условия жизни. Татьяна Леонидовна Власюк (Улантимова), 1958 г.р. из с. Полетное вспоминает: «*Дед моего мужа приезжал сюда с другим ходоком – рекрутом царской армии. Тот пожил здесь год и уехал обратно. Он сказал, что земля здесь новая, наносная, и окиян близко, вулканы где-то здесь. Поэтому земля, дескать, здесь не подходящая. И он уехал обратно в Белоруссию».**

В рассказах информаторов можно часто встретить сохранившиеся в семьях воспоминания о бедности и отсталости жизни их предков на родине по сравнению с теми условиями, в которых семьи переселенцев стали жить на Дальнем Востоке. Приведем одно из таких типичных воспоминаний, рассказанных Софьей Моисеевной Ивановой (Самусевой), 1934 г.р., проживающей в с. Полетное: «*Мать рассказывала, что на родине все жили очень бедно. В домах были земляные полы. Потом стали делать полы деревянные. На праздники их отдирали и несли мыть на речку. Белить не умели. Стены мыли, известки не было. Белить научились уже здесь. Наша мама еще белить не умела. Здесь сытнее было. Когда приехали сюда, здесь ничего не было – только стояла тайга. После войны была вторая волна переселений. Приезжали комсомольские отряды, кто просто переезжал от голода». А.Т. Потюпин вспоминает: «*Отец воевал на фронте и во время войны случайно попал в деревню, откуда переехали наши предки. Дома он рассказывал, что как там раньше жили, так**

и продолжают жить. У них бани нету, туалета нету – за сарай ходит и справится. А баня? У них русская печь. У нас тоже была русская печь, мы ее уже после войны уничтожили. Русскую печь топят, настилают соломы туда, и чтобы распариться, он залазит туда, а вода отдельно – корыто с липы выдолбленное. С печи вылазят и в это корыто. Полы земляные у них были еще во время войны».

По причине того, что в период массовых крестьянских переселений конца XIX – начала XX вв. национальное самосознание белорусов еще не было до конца сформировано, среди переселенцев преобладала региональная самоидентификация. Будучи выходцами из Могилевской губернии, переселившиеся на Дальний Восток крестьяне чаще всего именовались могульями, также иногда встречалось самоназвание гомельцы. В повседневном обиходе можно было часто услышать: «могуль приехал», «могули петровические», «могулевка полетненская», «я могуль, а ты хохол» и пр. Некоторые старожилы отмечали, что жившие в соседних деревнях украинцы называли их кацапами. На Украине этим словом чаще всего было принято называть русских в тех случаях, когда местные жители хотели подчеркнуть с ними этнические различия. При этом свою родину переселенцы чаще всего называли «Расией». Т.Л. Власюк (Улантимова) отмечает: «Ехали сюда самые крепкие люди. А бедный – он и мыслями бедный, и душой бедный, он во всем будет бедным. Когда пришел сюда японец в Гражданскую войну, местные люди в первую очередь воевали не за родину, а за свое. Поэтому все шли в партизаны. Люди только здесь освоились и не хотели терять того, что далось им большим трудом».

На сегодняшний день потомки переселенцев, проживающие на территории муниципального района имени Лазо, почти утратили диалектные особенности белорусского языка. Однако, по воспоминаниям старожил, их предки часто использовали различные речевые обороты и выражения, привезенные со своей родины. К примеру, С.М. Иванова (Самусева) вспоминает, как в ее семье говорили «ничепай», «ходи сюды», «сябёр»³⁸. В этом плане большой интерес представляют записанные нами воспоминания Ольги Фокеевны Чихуновой, 1944 г.р., приехавшей в с. Полетное в 1961 г. из Забайкалья. Ее предками были гураны – русские старожилы Забайкалья, нередко рожденные в смешанных браках с бурятами, эвенками, монголами и маньчжурами. Благодаря тому, что Ольга Фокеевна была рождена в иной этнической

среде, а впоследствии вышла замуж за потомка белорусских переселенцев, ее рассказы содержат много внешних оценок традиционной культуры последних. В первую очередь ее удивило обилие незнакомых слов, которые употребляли переселенцы: «У нас сараи назывались стайки, а здесь – пуны. Кнут – пуга, у нас скамейка или лавка, у них – слониц. Свекровка мне говорит, когда я замуж вышла: «Вольга, сходи, там во дворе слониц стоит, возьми оттуда миску». А я пошла, постояла, возвращаюсь и говорю, что не знаю, что такое слониц. Она: «Лавка или як как у вас!» Или: «Иди, Вольга, на огород, набери мне буйной бульбы». Я пришла к этой кучке, стояла. Думаю, у нас говорят: картошка мелкая, как дробь, дробная. А буйная это, наверно, большая. Тряпки – рясчи. Подол – это пустаня. Нарвет подол травы утятам или гусятам и говорит: "А вот нарвала целое пустаня"».

Белорусы принесли на Дальний Восток ряд характерных особенностей хозяйственной деятельности из мест своего выхода. В то же время рассказы информаторов дают возможность получить представление о некоторых практических заимствованиях, которые переселенцы делали у нового этнокультурного окружения. На новом месте белорусы начали воспроизводить характерные для них этноэкологические цепочки. Важное место в них занимало выращивание льна, из которого изготавливалась одежда. Немаловажным аспектом для выбора переселенцами нового места жительства являлось наличие липы или других подходящих лиственных деревьев для изготовления лаптей. Однако ввиду более суровых по сравнению с родиной переселенцев природно-климатических условий ими были сделаны некоторые заимствования в одежде у нового этнокультурного окружения. По соседству с белорусами проживали представители коренных малочисленных народов Дальнего Востока – удэгейцы. У них переселенцы научились выделывать шкуры изюбра и шить из них специальную обувь – ичиги, которые были распространены у целого ряда народов Азии. Ичиги имели два варианта: летний и зимний. В зимнем варианте мех сохраняли внутри, чтобы ноге было тепло. Летний вариант был без меха, только из кожи. В ичигах многие переселенцы ходили на охоту и покосы «в них тепло, и змея не укусит, и нога дышит» (Т.Л. Власюк (Улантимова), 1958 г.р.). Описанные в устных историях принципы этнокультурных взаимодействий между белорусами и удэгейцами во многом схожи с их взаимоотношениями с представителями других коренных народов Сибири и Дальнего Востока,

которые можно охарактеризовать как «автономное друг от друга культурное развитие при стабильных контактах в хозяйственной сфере» [4, с. 75].

У проживавших поблизости китайцев белорусские переселенцы позаимствовали культуру выращивания сои. Традиционно большое значение в хозяйстве белорусов имела картошка. С.М. Иванова (Самусева) отмечала: «Наше главное блюдо – картошка. И утром, и вечером, и жареная, и пареная, и вареная, и в мундире».

До 1930-х годов между населением основных белорусами деревень и китайцами шла активная меновая торговля. Они охотно меняли на пушнину изделия из шелка, бусы, иголки, порох и другие мануфактурные изделия. Однако бывали исключения, когда помимо хозяйственных контактов между китайцами и белорусами возникали семейные отношения. Т.Л. Власюк (Улантимова) рассказала о том, как сестра ее бабушки ушла из дома, чтобы жить с китайцем: «Когда наши сюда пришли, официальных границ с Китаем не было. Бабушкина сестра ушла с китайцем. Он ее украл. Слюбились, сговорились, и сбежала она с ним. Отчим был церковнослужителем, в строгости их держал, все равно бы не разрешил. В сарае спать легла, а утром нету – украли. Потом она приходила сюда в 1927 или 1928 году с китайцами. Через речку здесь стояли фанзы ихние. Она приходила сюда со своим сыном. Она шла и кроила хорошо и помогала женщинам так, чтобы никто не знал. В начале 1930-х годов кто-то вырезал их семью. Нашли их зарезанными, фанзу сожгли. То ли бандиты, то ли "нквдшники"».

Проживавшие поблизости китайцы и корейцы, как правило, жили в фанзах – глинобитных домах, которые отапливались канами. По воспоминаниям старожил, корейцы позаимствовали у них отдельные приемы хозяйствования – «картошку растили, свиней держали, сеяли то же, что и мы» (А.Т. Потюпин) – и даже некоторые культурные традиции: «У них там были гармонисты свои хорошие. С ними дружили. Бабушка говорит, они девками туда бегали на вечерки и танцевали там. Она даже когда была замужем беременная, бегала туда, пока ее дед Кузьма не отлупил» (Т.Л. Власюк (Улантимова)). Во время Русско-японской войны большинство корейцев депортировали в Среднюю Азию. По рассказу А.Т. Потюпина, в период коллективизации с корейцами был связан один курьезный случай: «Дали им трактор. Они на нем убрали пшеницу или рожь. Помолотили. Соломой обложили трактор и запалили. Сгорел этот трактор. Надо было зерно государству сдать. Они зерно разделили по себе. И звонят

сами в милицию. А тогда милиционер был Пикулев такой. Они говорят: "Пикули, Пикули, трактара сгорела, одна чугушка осталась!"»

Региональные особенности поминальной обрядности из мест выхода предков переселенцев сегодня сохранились лишь фрагментарно. К примеру, ни один из опрошенных старожил не смог вспомнить поминальный праздник «Деды», который был широко распространен на территории Могилевской губернии. Однако при этом в некоторых семьях сохранился отголосок этого праздника, когда в поминальные дни на ночь на столе оставляется пища для умерших предков. На Радуну первый блин с медом оставляли родителям (Братанова Татьяна Ильинична, 1930 г.р., д. Прудки). Из поминальных блюд чаще всего готовили яичницу и холодец. На Радуну не было принято накрывать общие поминальные столы. Обычно члены одной семьи собирались на могиле самого пожилого родственника или свежем захоронении. Как и во многих других белорусских деревнях, кресты на могилах было принято обвязывать рушниками: «Когда стали ставить звезду, бабки возмутились» (А.Т. Потюпин).

Многие информаторы старшего поколения в своих рассказах вспоминали различные детали празднования Рождества: «Для детей это такая радость была! Напекут разных петушков-пирожков. Дак пацаны ночь не спали. Сеяли гречку или овес. Пять копеек дадут, я фунт баранок возьму. Ряжеными ходили. Шубы выворачивали. Я один раз мать свою отругал. В наш дом на Рождество впервые пришла невестка, а она ее встречает в вывернутой шубе» (А.Т. Потюпин). Т.И. Братанова вспоминает: «Раньше было так: если вы кум и моих детей крестили, сколько детей крестили, столько буханок хлеба нужно принести на Рождество. Это называлось подань».

В д. Прудки сохранились воспоминания об обрядах, связанных с вызыванием дождя в засуху. Т.И. Братанова описывает их в своих рассказах следующим образом: «Если засуха, то бабы наряжались кто во что. Плуг берут, дорогу переплывают, песни поют. Потом идут на речку. Переплывают речку плугом. Обливают друг друга. На Троицу если большая засуха, дома и калитки украшали травой, брошенной в колодец. Надо чтобы вдова намочила траву. Она поплачет над колодцем и вызовет дождик». Данный рассказ коррелирует с рядом других описаний подобных обрядовых действий у белорусских переселенцев. В частности, в нем повторяется ситуация, когда реальную пахоту совершали мужчины, а ритуальную – исключительно женщины [11]. Не так давно быто-

³⁸ Так называли молодого крепкого парня.

вавший в деревне обряд вызывания дождя был повторен во время реконструкции празднования Троицы, организованной социально-культурным центром «Русь» в с. Полетное (автор реконструкции А.Л. Власенко). Во время проведения обряда троичскую березку с песнями понесли к реке и утопили в ней. На следующий день в деревне начался сильный дождь. «Люди стали говорить: "Идите вытаскивайте свою березку, дожди просто заманали всех"» (С.М. Иванова (Самусева)). Т.И. Братанова из д. Прудки отмечала, что на Троицу вместо березовых веток могли повесить на дом ветви осыны. Так отмечали, что в доме живет ведьма.

Большой интерес представляют рассказы жительницы с. Полетное Т.Л. Власюк (Улантиковой), посвященные суевериям переселенцев и их контактам с потусторонними силами. По ее воспоминаниям, раньше некоторых жительниц села было принято считать ведьмами. Про одну из бабушек в ее роде говорили, что она умеет наводить порчу. В д. Прудки рассказывали, что одна ведьма, жившая в ней, умела перевоплощаться в свинью. До сих пор считается, что все магические действия, связанные с нечистой силой, производились в банях. Татьяна Леонидовна рассказывает, что в деревне до сих пор сохранилось поверье, что, если дом стоял и его разрушили, на этом месте ничего строить нельзя, потому что якобы на нем «...остался старый домовый, и если здесь построят другой дом, то в нем заведется другой домовый, и они будут драться. Мира и порядка в этом доме не будет. Поэтому либо это место надо освещать, либо как-то старого домового с собой увести». Т.Л. Власюк (Улантиковой) приходилось лично сталкиваться с присутствием домовых: «Когда вышла замуж, вначале жила в Петровицах, потом переселились сюда. Дом был старый. Переехали, все сгрузили. Все узлы с вещами свалили в середине дома. Утром встали, дочь говорит: «Я глаза открыла, сидит какая-то зверюшка на этой куче, мохнатая, глаза круглые, уши». Я говорю: «Наверно, это кошка». Она говорит: «Нет, она на меня долго смотрела, а мне было не страшно». Есть поверье, что маленькие дети видят домовых и даже умеют с ними общаться. Если домовый хороший, он и дом сбережет, и достаток, и здоровье. А бывает, домовый пытается взять над хозяином силу. У меня была такая ситуация. Муж у меня возил на вахтовке людей. Ночью показалось, что он приехал. Вышла – никого. Легла опять, заснула. Не пойму, сон или явь. Что-то на меня легло поверх одеяла. Я подвинулась. А он все равно лежит сверху, маленький и тяжелый. Я стала читать молитвы, креститься

и говорить: «Уйди от меня, иначе позову батюшку, освящу дом, и куда ты будешь деваться?». Поругалась с ним, конечно. Наутро поставила ему блюдечко с едой. Потом маме рассказываю. А она говорит, что ее бабушка, когда этот дом построили, его освещала. Мама, говорит, нас маленьких накрывает одеялом. Вы спите, а одеяло на полу. Рассказала своей бабушке. Она всех выдворила из дома, и она с ним тут разбиралась. Ругалась с ним, говорила, молитвы творила. Потом все хорошо стало. Не зря столько веков во все это верят».

Чтобы отпугнуть нечистую силу, жители Полетного рисовали или выпиливали крестики на дверях. В ночь на Рождество нужно было обязательно держать печную трубу закрытой, потому что через нее в дом могла залететь нечистая сила. Если в доме случался приплод (к примеру, отелилась корова), в этот день из него ничего нельзя было выносить или давать что-либо соседям, если они попросят. Жители деревни всегда серьезно относились к взгляду людей или животных. По этому поводу Т.Л. Власюк (Улантиковой) рассказывала: «У меня была корова, идет по деревне, вымя вот такое, и молоко сеет. Все говорили: «Ой, какая корова!». Ее, наверно, сглазили, и она начала болеть. Мне тогда один дедушка посоветовал найти в заборе доску, где есть дырочка от сучка, и прибить ее в сарае либо сверху, либо снизу у его входа, чтобы корова через нее ходила. Корову я подоила, и последние капли постаралась пропустить через эту дырку в доске. Мы сверху прибили эту доску. После этого корова стала меньше болеть».

Большинство информаторов старшего поколения считают коллективизацию и Великую Отечественную войну периодом надлома, во время которого были утрачены многие важные традиции. О.Ф. Чихунова вспоминает: «Мама рассказывала: пришли за налогом, контрактация какая-то. Открыли подполье и говорят: «Хватит на налог картошки». А мы, говорит, сопливые все стоим вокруг этой западни (так назывался погреб). Мама говорит, я взяла топор и говорю: «Лезьте. По одному будете вылазить, по одному будут ваши бошки отлетать». Все равно, говорит, я с голоду с детьми помру, дак хоть гадов не будет. Они не полезли, не стали трогать картошку». А.Т. Потюпин рассказывал, что «...во время войны ходили на поля и собирали ту картошку, которая осталась в земле. Эту гнилую картошку сушили на солнце, потом толкли в ступе и делали из нее лепешки. А в тайге снытку нарвем и из нее борщ. Ловили пещарей и из них варили уху». Как отмеча-

ла О.Ф. Чихунова, «раньше жили все одинаково. Все бедствовали. Ну что вдова вдове будет завидовать?»

По рассказам информаторов, во второй половине XX в., в связи с уходом из жизни представителей первого поколения переселенцев, многие специфические традиции, привнесенные из Белоруссии, начали постепенно угасать. Однако на этом фоне можно проследить и стойкость некоторых обычаев, пришедших из мест выхода. К ним можно отнести общинный характер социальной организации переселенческой деревни. По словам Т.Л. Власюк (Улантиковой), в д. Прудки все важные решения принимались во время сходов. На них решались хозяйственные вопросы, обсуждались поступки жителей деревни, а также реакция на нововведения властей.

В последние годы в деревнях, основанных белорусскими переселенцами на территории муниципального района им. Лазо, предпринимаются шаги по возрождению их самобытного культурного наследия. В Доме культуры с. Полетное был создан музей, экспозиция которого рассказывает о быте переселенцев, действует фольклорный коллектив «Молодушки». Также в Полетном открыт филиал автономной некоммерческой организации «Белорусское землячество Хабаровского края». Праздник «Купала», реконструированный в 2013 г. по рассказам старожилов директором Дома культуры с. Полетное А.Л. Власенко, собрал более 2000 гостей и привлек большое общественное внимание к самобытным традициям живущих здесь белорусов [5]. Сегодня местные жители рассматривают сохранившиеся в районе белорусские традиции не только как историко-культурное наследие края, но и в качестве одного из возможных ресурсов его развития, связанного с этнографическим тризмом и установлением побратимских связей с Республикой Беларусь.

Подводя первые итоги исследования, базирующегося на обобщении и анализе устных историй жителей белорусских деревень, расположенных на территории муниципального района им. Лазо, можно говорить о высокой степени ассимиляции потомков переселенцев в новом этнокультурном окружении при сохранении в их среде отдельных элементов традиционной культуры из мест выхода предков, а также наличия своеобразной «коллективной памяти», содержащей рефлексии особого переселенческого статуса сельской общины. Их носителями являются старожилы этих деревень, преимущественно рожденные в 1920–1940-е годы. Люди, принадлежащие к более молодым поколениям, как правило, значительно хуже знают исто-

рию своих семей и обычаи предков. Поэтому дальнейшее сохранение памяти о них возможно лишь при институциональной поддержке, которую могут оказывать учреждения культуры. К ним можно отнести развитие музея истории и быта переселенцев, фиксацию и сохранение устных историй старожилов, реконструкции праздников и обрядов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргудяева Ю.В. Белорусы-литвины в Приморье (конец XIX в.) // Проблемы культуры Дальнего Востока: науч. конф. Владивосток, 1993. С. 15–18.
2. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). М., 1997.
3. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011.
4. Галеткина Н.Г. Польская переселенческая деревня в бурятском окружении // Вестник Евразии. 1996. № 1 (2). С. 62–77.
5. Народный праздник в Полетном // Ассамблея народов Хабаровского края. 2013. № 3. С. 53–55.
6. Традиционная культура белорусов во времени и пространстве. Минск: Беларуская навука, 2013.
7. Традиционная свадьба: свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / сост. И.В. Семенова. Владивосток, 1998.
8. Фетисова Л.Е. Белорусы в Приморье // Многонациональное Приморье: история и современность: материалы науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. морской акад., 1999. С. 34–37.
9. Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002.
10. Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока: семейно-обрядовые песни и причитания. Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 1.
11. Фурсова Е.Ф. Массовые моления белорусских переселенцев юга Западной Сибири в XX веке // Проблемы археологии, этнографии и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 533–536.
12. Шмидт С.О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27 января – 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 262.

REFERENCES

1. Argudyaeva, Yu.V., 1993. Belorusy-litviny v Primor'e (konets XIX v.). [Belarusians-Litvins in Primorye (the end of XIXth century)]. In: Problemy kul'tury Dal'nego Vosto-ka: nauch. konf. Vladivostok, pp. 15–18. (in Russ.)
2. Argudyaeva, Yu.V., 1997. Krest'yanskaya sem'ya u vostochnyh slavyan na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (50-e gody XIX v. – nachalo XX v.). [Peasant family of East Slavs in the south of the Russian Far East (1850s – beginning of XXth century)]. Moskva: IEA RAN. (in Russ.)
3. Belorusy v Sibiri: sohranenie i transformatsii etnicheskoi kul'tury [Belarusians in Siberia: preservation and transformations of the ethnic culture]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. (in Russ.)
4. Galetkina, N.G., 1996. Pol'skaya pereselencheskaya derevnya v buryatskom okruzhении [Polish resettlement village in the Buryat environment], Vestnik Evrazii, no. 1(2), pp. 62–77. (in Russ.)
5. Narodnyi prazdnik v Poletnom [National holiday in Polyotnoe], Assambleya narodov Habarovskogo kraja, 2013, no. 3, pp. 53–55. (in Russ.)
6. Traditsionnaya kul'tura belorusov vo vremeni i prostranstve [Traditional culture of Belarusians in time and space]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2013. (in Russ.)
7. Semenova, I.V. ed., 1998. Traditsionnaya svad'ba: svadebnyi obryad pereselentsev Chernigovskoi gubernii v Primor'e, 1998. [Traditional wedding: wedding rites of settlers from Chernigov Governorate in Primorye]. Vladivostok. (in Russ.)
8. Fetisova, L.E., 1999. Belorusy v Primor'e [Belarusians in Primorye]. In: Mnogonatsional'noe Primor'e: Istoriya i sovremennost': Materialy nauch.-prakt. konf. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. gos. morskoi akad, pp. 34–37. (in Russ.)
9. Fetisova, L.E., 2002. Belorusskie traditsii v narodno-bytovoii kul'ture Primor'ya [Belarusian traditions in everyday culture of Primorye]. Vladivostok. (in Russ.)
10. Fol'klor belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Ch. 1: Semeino-obryadovye pesni i prichitaniya [Folklore of Belarusians of Siberia and Russian Far East. Part 1: Family ceremonial songs and lamentations]. Novosibirsk: Nauka, 2011. (in Russ.)
11. Fursova, E.F., 2013. Massovye moleniya belorusskikh pereselentsev yuga Zapadnoi Sibiri v XX veke [Mass prayings of Belarusian settlers of the south of Western Siberia in XXth century]. In: Problemy arheologii, etnografii i sopedel'nyh territorii. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 533–536. (in Russ.)
12. Shmidt, S.O., 1991. Predposylki «ustnoi istorii» v istoriograficheskoi kul'ture Rossii [The background of oral history in historical culture of Russia]. In: Realizm istoricheskogo myshleniya. Problemy otechestvennoi istorii perioda feodalizma: Chteniya, posvyashennye pamyati A.L. Stanislavskogo. Tezisy dokladov i soobshenii. Moskva, 27 yanvarya-1 fevralya 1991 g., p. 262. (in Russ.)

УДК 391.2

И.В. Стрельцова*

ПОЯС В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ УКРАИНЦЕВ И БЕЛОРУСОВ В ПРИМОРЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассматривается пояс как составляющая традиционной культуры украинцев и белорусских крестьян-переселенцев в Приморье в конце XIX – начале XX в. Автор исследует утилитарные и обрядовые, этические и эстетические функции традиционного пояса, приводит разнообразные материалы и техники изготовления поясов. В качестве иллюстративного ряда используются пояса из коллекции Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева, а также тексты свадебных и календарно-обрядовых песен, записанных в Приморье.

Ключевые слова: Приморье, украинцы, белорусы, пояс, традиционная культура, традиционный костюм.

Belt in the system of traditional culture of Ukrainians and Byelorussians in Primorye at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century. IRINA V. STRELTSOVA (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences).

The article is devoted to belt as a part of traditional culture of Ukrainian and Byelorussian settlers in Primorye in the end of the XIXth – the beginning of the XXth century. The author analyses utilitarian and ritual, ethic and aesthetic functions of traditional belts as well as different materials and techniques that were used to produce them. Examining the belt collection of the Arseniev State Museum along with wedding and calendar songs, recorded in Primorye, the author presents the regional aspect through the prism of the maternal fund and shows belt as a cultural phenomenon and a sample of the regional arts and crafts.

Keywords: Primorye, Ukrainians, Byelorussians, belt, traditional culture, traditional costume.

В переселенческом движении в Южно-Уссурийский край подавляющее большинство составляли выходцы из Украины (81,26% от общего числа переселенцев). Это были уроженцы Черниговской, Киевской, Полтавской, Харьковской, Волынской, Каменец-Подольской, Екатеринославско-Таврической губерний. Преобладали переселенцы из Черниговской губернии (40,8%), на Киевскую и Полтавскую приходилось соответственно 26,2% и 22,5% от общего числа выходцев из Украины. Что касается белорусов, то,

по официальным данным, их удельный вес был небольшим (6,8%). Белорусские переселенцы прибывали в основном из Могилевской, Гродненской, Минской, Гомельской губерний, причем основной приток дали уроженцы Могилевской губернии (3%) [1, с. 35]. При этом необходимо отметить, что белорусы переселялись также из северо-западных уездов Черниговской губернии, в первую очередь Суражского, а также Мглинского, Стародубского, Городнянского, Новозыбского и др. Здесь наряду с малороссами и великороссами

* СТРЕЛЬЦОВА Ирина Владимировна, аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: i-strel@mail.ru

© Стрельцова И.В., 2014